

Линь Цзиньлэ, словно отчаянно пытаюсь уцепиться за последнюю надежду, непривычно для себя резко вмешался:

— Он всё врёт? Хочет тебя грязью облить?

Чжо Ань от этих слов мгновенно взвился:

— Кто это тут его грязью обливает?! Да мне даже приукрашивать ничего не надо! Не веришь — спроси у своего драгоценного Ци Сяохэ, пускай сам тебе выложит!

Этот стремительный вихрь чужих эмоций мгновенно швырнул Ци Сяохэ назад, в кошмарные воспоминания о прошлой элитной школе. Впрочем, оцепенение быстро прошло. Он ведь и сам понимал: глупо было надеяться, что в таком огромном городе хоть кто-то не слышал о грязном белье семейства Ци. Просто всё случилось слишком быстро. Горькая правда обрушилась на него раньше, чем он успел выставить мысленную защиту.

Сяохэ опустил голову, пряча тоску, затаившуюся в глубине глаз.

Голос его прозвучал тихо, но на удивление отчётливо:

— Он говорит правду.

В этой напускной беспечности крылась неподъёмная, давящая тяжесть. Сяохэ так и не решился взглянуть на Линь Цзиньлэ — побоялся увидеть его лицо.

Даже Чжо Ань от такой поразительной откровенности растерялся. Он беззвучно пошевелил губами, подбирая слова, и лишь через пару секунд выдавил злобную усмешку:

— Что ж... ладно... Хоть тут ума хватило не отпираться.

Чжо Ань дураком не был и сразу заметил, как изменились лица присутствующих после признания Сяохэ. Теперь можно было не сомневаться: спокойная жизнь для этого выскочки закончилась. Казалось бы, лучшего повода для триумфа с момента перевода в эту дыру и не придумаешь, однако былой радости Чжо Ань почему-то не ощутил. Неужто размяк к старости?

Пытаясь прогнать непрошеное сомнение, он высокомерно задрал подбородок.

«Самозванец, пригревшийся в чужом гнезде... Сын воровки заслуживает именно такой участи. И никак иначе»

С этой мыслью на лице Чжо Аня снова заиграла привычная презрительная мина.

Сказав это, Сяохэ наконец выдохнул. Напряжение, сковавшее плечи, немного отпустило. Рано или поздно это всё равно бы случилось. Вся его жизнь — от начальных классов до средней

школы — состояла из бесконечного, мучительного повторения одного и того же сценария. Стоило ему завести знакомых, как кто-нибудь обязательно просвещал окружающих: перед вами подделка, фальшивый барчук, который пытался украсть чужую судьбу, да силёнок не хватило.

И всё же к горлу подкатил горький, удушливый ком, а глаза нестерпимо зажгло. Стоило хоть на мгновение дать слабину, и слёзы хлынули бы ручьём. Сяохэ не собирался доставлять толпе такое удовольствие и плакать у всех на виду.

Развернувшись, он быстрыми шагами направился к общежитию. Злые, уродливые шепотки, летевшие ему в спину, постепенно затихали в отдалении.

Тихое «Он говорит правду» выбило у Линь Цзиньлэ почву из-под ног. Внутри образовалась звенящая, холодная пустота. Он застыл посреди двора, а вокруг бесчинствовал многоголосый хор. Сплетни, смешки, хлёсткие ярлыки: «приёмыш», «фальшивка», «воровское отродье».

Эти крики больно резали слух. А перед глазами Линь Цзиньлэ упрямо стояла совсем другая картина: глупый, доверчивый Сяохэ, который мгновенно поверил нелепой выдумке про аллергию на раков. Как он тогда засуетился, как торопливо отодвинул от себя тарелку и сам побоялся съесть хоть кусочек — вдруг случайно заденет его руку испачканными пальцами.

Тогда Цзиньлэ лишь посмеивался про себя, думая, что перед ним изнеженный, слегка туповатый, но безобидный барчук. Он даже готов был признать, что этот избалованный мальчишка не вызывал у него привычного раздражения. Напротив, в его наивности было какое-то трогательное очарование.

И вот, прошло всего ничего, а Сяохэ самолично заявляет, что он никакой не наследник. Мало того — он фальшивка, подкидыш, чья мать-преступница когда-то хладнокровно подменила младенцев в роддоме.

Линь Цзиньлэ вырос в бедности, но прекрасно понимал, что такое родительская любовь. В богатых семьях она была точно такой же, как и в бедных. Он примерил эту ситуацию на себя: если бы кто-то посмел похитить и заменить его племянника, он бы возненавидел негодяев всей душой. И в его голове невольно зародились вопросы. Что же это за люди такие, эти Ци? Откуда в них столько невероятного благородства и всепрощения, раз они долгие годы холили, лелеяли и содержали чужого ребёнка?

Но стоило клейму «приёмыш» соединиться в мыслях с чистым, растерянным лицом Сяохэ, как Цзиньлэ окончательно запутался. Он просто не знал, как теперь себя вести.

Резко развернувшись, он ни на кого не взглянул. Проигнорировав летевшие со всех сторон пересуды, он зашагал к общежитию.

Перед дверью комнаты он простоял несколько минут, пытаясь совладать с мыслями. В голове вертелись десятки сценариев. Как вести себя, если Сяохэ снова начнёт лнуть к нему, ища защиты? А если тот сорвётся и закатит истерику от уязвлённого самолюбия? Или... закроется в комнате, зароется с головой в одеяло и будет тихо давиться слезами?

Линь Цзиньлэ нахмурился. Сердце предательски сжалось: почему-то последний вариант казался ему самым верным. Сяохэ наверняка сейчас плачет.

Вопреки глухому недовольству, которое вызывал у него сам статус «фальшивого наследника», он рванул на себя ручку двери с непривычной поспешностью.

Первым делом он бросил взгляд на кровать соседа — пусто. На письменном столе тоже царил идеальный порядок.

Напряжение нарастало. Нахмурившись ещё сильнее, Цзиньлэ быстро пересёк комнату и толкнул дверь в душевую. И там никого.

Все его недавние метания перед дверью теперь казались нелепой глупостью. Впрочем, сейчас это не имело значения — Цзиньлэ просто хотел найти Сяохэ. Но стоило ему взяться за замок, чтобы выйти обратно в коридор, как снаружи раздался зычный голос дежурного воспитателя, начавшего обход. Время обеденного отдыха уже наступило, и в жилом корпусе мгновенно воцарилась строгая, сонная тишина.

На виске Линь Цзиньлэ выползла и запульсировала тугая жилка. Шаги надзирателя приближались к их двери. Стиснув зубы, он отпустил ручку и тихо заперся изнутри.

За весь тихий час он так и не сомкнул глаз. Ворочался с боку на бок, то и дело утыкаясь взглядом в пустую постель напротив. На столе соседа аккуратными стопками лежали тетради, высились дорогие канцелярские безделушки. Вчера в столовой до него долетели слухи, будто Сяохэ привезли на роскошной машине, а солидный мужчина в дорогом костюме лично застилал ему постель и расставлял эти вещи.

То, что все эти безделушки стоили баснословных денег, Цзиньлэ понял сразу. Но если прежде его отторжение было лишь привычным, глухим раздражением бедняка перед холёным богачом, то теперь всё изменилось.

Осознание того, что перед ним сидит «фальшивка», перевернуло всё внутри. К обычной неприязни подмешалось совершенно иное, глубокое и почти физическое отвращение.

Он зажмурился, но гулкий стук собственного сердца не давал провалиться в сон. И посреди этого бодрствования к нему вдруг пришло холодное, отрезвляющее прояснение.

«Что я вообще творю последние два дня? Пытаюсь сблизиться с изнеженным барчуком,

которого ещё вчера презирал? И ладно бы он был настоящим... так ведь он просто дешёвая подделка»

Прежде вся его жизнь подчинялась строгому распорядку. Каждая минута, кроме скудных обедов, уходила на учёбу. Книг всегда казалось мало. Он рвался вперёд, стремясь как можно скорее впитать знания, сдать экзамены экстерном и навсегда покинуть это место.

Сейчас эти цели казались чем-то бесконечно далёким, словно из прошлой жизни. Он шумно, с облегчением выдохнул, мысленно проговаривая свои ориентиры заново, возвращая их на законное место в системе координат.

Раздались первые, ещё негромкие переливы звонка, возвещающие об окончании тихого часа. Взглянув напоследок на по-прежнему пустую кровать соседа, Линь Цзиньлэ принял решение.

Когда они встретятся в классе, он не станет уподобляться беснующейся толпе и осыпать Сяохэ оскорблениями. Он просто вернётся к прежней стратегии: вежливая дистанция, абсолютная концентрация на уроках и ни единой лишней секунды на глупости.

Звонок залился во всю мощь. Цзиньлэ поднялся, ополоснул лицо ледяной водой и без тени сонливости вышел в коридор.

Похоже, тихий час выдался бессонным не только для него. Жилой корпус гудел как растревоженный улей. Ученики, подхлёстываемые сенсацией, разбивались на группы и возбуждённо перешёптывались. Кое-кто попытался было привязаться к Линь Цзиньлэ — всё-таки он делил комнату с главным виновником переполоха, — но его ледяной, колющий взгляд быстро остудил пыл любопытных. К нему предпочли не соваться.

Лишь Хэ Яньян набрался смелости и преградил ему дорогу:

— Слушай, а Ци Сяохэ что, не возвращался в комнату?

Линь Цзиньлэ лишь сухо поджал губы и прошёл мимо. Поняв, что ответа не дожждётся, парень поспешил вернуться к приятелям.

— Нацепил маску богатенького наследника и ходит, красуется. Редкостная наглость, у меня бы сквозь землю провалиться духу не хватило...

— И ведь тратил чужие миллионы, даже совесть не дрогнула!

— Да уж, яблочко от яблони. Чего ещё ждать от отпрыска воров? Мамаша детей воровала, а сыночек вырос беспринципным приживалой. Считаю, гены пальцем не размажешь.

— Представляю, каково сейчас настоящему сыну. Столько лет жить в нищете, пока этот грелся у чужого очага. Прямо до слёз обидно за парня...

Злые, колючие пересуды преследовали его по пятам, проникая в самые мысли. К дверям кабинета Линь Цзиньлэ подошёл мрачнее тучи. Но как бы сильно его ни раздражал этот коллективный глумливый угар, он ловил себя на горькой мысли: возразить-то нечего. В сущности, сплетники были правы. Сяохэ действительно годами пользовался благами, которые принадлежали другому.

От этого вывода внутри окончательно повеяло могильным холодом. Эмоции улеглись, сменившись равнодушной пустотой. Цзиньлэ мысленно подвёл черту и переступил порог класса.

Быстро окинув взглядом парты, он убедился: соседнее место пустовало.

«Решил прогулять?»

Его размышления прервал резкий металлический скрежет из глубины кабинета. Цзиньлэ обернулся на звук.

В дверях показались ещё несколько одноклассников. Все они как один уставились в самый конец класса, где Ци Сяохэ, низко опустив голову, в одиночку перетаскивал свою парту к дальней стене.

В тишине раздался издевательский, залихватский свист.

— Ой, глядите-ка! А чего это наш фальшивый принц в самый конец забился?

<http://bllate.org/book/19821/1995783>